

III. СИЛА И РАССУДОК, ЯВЛЕНИЕ И СВЕРХЧУВСТВЕННЫЙ МИР

В диалектике чувственной достоверности для сознания исчезли слышание, видение и т.д., и как воспринимание оно пришло к мыслям, которые, однако, оно впервые связывает в безусловно всеобщем. Это безусловное само в свою очередь было бы не чем иным, как односторонней *крайностью для-себя-бытия*, если бы оно воспринималось как спокойная простая сущность, ибо в таком случае ему противостояла бы не-сущность; но соотнесенное с этой последней, оно само было бы не-существенно, и сознание не вышло бы из иллюзии воспринимания; однако это безусловное оказалось таким, которое из этого обусловленного для-себя-бытия ушло обратно в себя. – Это безусловное всеобщее, которое уже теперь есть истинный предмет сознания, еще остается *предметом* его; оно еще не овладело своим *понятием* как *понятием*. Между тем и другим надо проводить существенное различие; для сознания предмет ушел из отношения к другому обратно в себя и поэтому стал *в себе* понятием; но сознание для себя самого еще не есть понятие, и потому в указанном рефлексированном предмете оно не узнает себя. *Для нас* этот предмет обнаружился через движение сознания в том смысле, что сознание вплетено в его становление, и рефлексия на ту и другую сторону – одна и та же, т.е. она только одна. Но так как сознание в этом движении имело своим содержанием только предметную сущность, а не сознание как таковое, то результат для него надо усмотреть в значении предметного, и сознание – еще отступающим назад от того, что получилось в становлении, и поэтому последнее как предметное есть для него сущность.

Тем самым рассудок, правда, снял свою собственную неистинность и неистинность предмета; и то, что обнаружилось ему благодаря этому, есть понятие истинного как *в себе* сущего истинного, которое еще не есть понятие, или лишено *для-себя-бытия* сознания, и которое рассудок, не узнавая себя в этом, предоставляет ему самому. Это истинное приводит в движение свою сущность для себя самого, так что сознание не принимает участия в его свободной реализации, а только наблюдает за ней и просто постигает ее. Следовательно, сперва *мы* должны еще занять его место и быть понятием, которое развивает то, что содержится в результате; в этом развитом предмете, который предстает сознанию как нечто сущее, сознание впервые становится для себя сознанием, постигающим в понятиях.

Результатом было безусловно-всеобщее, прежде всего в том негативном и абстрактном смысле, что сознание подвергало свои односто-

ронные понятия негации и абстрагирования, т.е. отказывалось от них. Но результат заключает в себя то положительное значение, что в нем непосредственно, как одна и та же сущность, установлено единство *для-себя-бытия* и *бытия для чего-то иного*, или абсолютная противоположность. Сперва кажется, что это касается только формы моментов в их взаимном отношении; но для-себя-бытие и для-иного-бытие есть точно так же само *содержание*, потому что противоположность в своей истине не может иметь иной природы кроме той, которая оказалась в результате и состоит именно в том, что содержание, считавшееся в восприятии истинным, на деле принадлежит только форме и растворяется в ее единство. Это содержание вместе с тем всеобщее; не может быть другого содержания, которое в силу своего особого свойства могло бы избежать ухода обратно в эту безусловную всеобщность. Такое содержание было бы некоторым определенным способом быть для себя и относиться к другому. Однако *бытие для себя* и *отношение вообще к другому* составляют *природу* и *сущность* этого содержания, истина коих в том, чтобы быть безусловно-всеобщим, а результат – просто всеобщ.

Но так как это безусловно-всеобщее есть предмет для сознания, то в нем выступает различие формы и содержания; и в виде содержания эти моменты выглядят так, как они впервые предстали: с одной стороны, всеобщая среда многих существующих материй, а с другой стороны, рефлектированное в себя “одно”, в котором их самостоятельность уничтожена. Первая есть растворение самостоятельности вещи или пассивность, которая есть бытие для иного, второе же есть для-себя-бытие. Посмотрим, как эти моменты проявляются в безусловной всеобщности, которая составляет их сущность. Прежде всего выясняется, что благодаря тому, что они суть только в этой всеобщности, они вообще более не отделены друг от друга, а по существу суть стороны, снимающие себя в себе самих, и установлен только переход их друг в друга.

[1. С и л а и и г р а с и л.] – Итак, один момент является как одно-сторонне выступившая сущность, как всеобщая среда или устойчивое существование самостоятельных материй. Но *самостоятельность* этих материй есть не что иное, как эта среда; или: это *всеобщее* от начала до конца есть *множественность* таких разных всеобщих. Но [сказать, что] всеобщее само по себе состоит в нераздельном единстве с этой множественностью, значит: каждая такая материя находится там, где и другие; они взаимно проникают друг в друга, не приходя в соприкосновение, потому что, наоборот, многократно различенное точно так же самостоятельно. Этим в то же время установлена также их чистая пористость или их снятость⁶⁸. Эта снятость или сведение этого разнообразия к *чистому для-себя-бытию* есть в свою очередь не что иное, как сама среда, а эта последняя есть *самостоятельность* различий. Другими словами, самостоятельно установленные [материи] переходят непосредственно в свое единство, а их единство непосредственно переходит в развертывание, и это последнее в свою очередь – назад, в сведение. Но это движение и есть то, что называется *силой*: один момент ее, а именно сила как распространение само-

стоятельных материй в их бытии, есть ее *внешнее проявление*; она же как исчезаемость (*Verschwundensein*) их есть сила, *оттесненная* из своего внешнего проявления *обратно* в себя, или *сила в собственном смысле*. Но, во-первых, оттесненная обратно в себя сила *должна* внешне проявляться; и, во-вторых, во внешнем проявлении она точно так же есть *внутри себя* самой сущая сила, как в этом бытии внутри себя самой она есть внешнее проявление. – Так как мы таким образом оба момента сохраняем в их непосредственном единстве, то собственно рассудок, которому принадлежит понятие силы, есть *то понятие*, которое несет различные моменты как различные; ибо *в ней самой* они не должны быть различными: различие, следовательно, имеется только в мысли. – Другими словами, выше было установлено всего лишь понятие силы, а не реальность ее. Но на самом деле сила есть безусловно-всеобщее, которое в себе самом есть то же, что и *для иного*, или которое имеет в себе различие, ибо различие есть не что иное, как *бытие для иного*. Следовательно, сила, чтобы быть тем, что она есть поистине, должна быть полностью освобождена от мысли и установлена как субстанция этих различий, – это значит, *во-первых*, она должна быть установлена как вся эта сила, остающаяся по существу *в себе и для себя*, и, во-вторых, должны быть установлены ее различия как *субстанциальные* или как для себя устойчиво существующие моменты. Сила как таковая или как оттесненная обратно в себя есть, следовательно, для себя в качестве некоторого *исключающего* “одного”, для которого развертывание материй есть некоторая *другая устойчиво существующая сущность*; и таким образом установлены две различные самостоятельные стороны. Но сила есть также целое, другими словами, она остается тем, что она есть по своему мнению, т.е. эти различия остаются чистыми формами, поверхностными *исчезающими моментами*. Различий между *оттесненной обратно* в себя силой в собственном смысле и *развертыванием* самостоятельных материй в то же время вовсе не было бы, если бы они не имели *устойчивого существования*; другими словами, силы не было бы, если бы она не *существовала* этим противоположным образом; но “она существует этим противоположным образом” – это значит не что иное, как то, что оба момента сами в то же время *самостоятельны*. – Следовательно, мы должны рассмотреть именно это движение обоих моментов, заключающееся в том, что они постоянно делают себя самостоятельными и вновь себя снимают. – В общем ясно, что это движение есть не что иное, как движение воспринимания, в котором обе стороны, воспринимающее и воспринимаемое, в одно и то же время, во-первых, как *постижение* истинного, составляют одно и неразличимы, но при этом, во-вторых, каждая сторона *рефлектирована* в себя, или есть для себя. Здесь обе эти стороны суть моменты силы; они точно так же находятся в некотором единстве, как это единство, являющееся средним термином по отношению к сущим для себя крайним терминам, в свою очередь всегда распадается именно на эти крайности, которые лишь благодаря этому и существуют. – Движение, которое прежде проявлялось как самоуничтожение противоречащих понятий, обладает здесь, следова-

тельно, *предметной* формой и есть движение силы, результатом которого оказывается безусловно-всеобщее как *непредметное* или как “*внутреннее*” вещей.

Сила, определенная таким образом, будучи представлена как *такое* или как *рефлектированная в себя*, составляет одну сторону своего понятия, но в качестве субстанциализированной крайности, и притом крайности, установленной под определенностью “одного”. Этим *устойчивое существование* развернутых материй из нее исключено и есть нечто иное, нежели она. Так как необходимо, чтобы она сама была этим *устойчивым существованием*, т.е. чтобы она *внешне проявлялась*, то ее внешнее проявление представляется таким образом, что к ней *примыкает* упомянутое *иное* и возбуждает ее. Но на деле, так как она *необходимо* проявляется внешне, ей самой присуще то, что было установлено в качестве другой сущности. Нужно отказаться [от утверждения], что она была установлена как *некоторое “одно”*, а ее сущность, состоящая в том, чтобы внешне проявляться, – как некоторое другое, к ней извне примыкающее; напротив, она сама есть эта всеобщая среда *устойчивого существования* моментов как материй; иными словами, она *внешне проявилась* и она скорее есть то, что должно было быть другим “возбуждающим”. Следовательно, она существует теперь как среда развернутых материй. Но так же по существу она имеет форму снятости устойчиво существующих материй, или: она по существу есть “одно”; тем самым *это бытие “одним”* теперь, когда *сила* установлена как среда материй, есть *нечто другое*, нежели она, и она имеет эту свою сущность вне себя. Но так как она *необходимо* должна быть тем, чем она *еще не* установлена, то *примыкает это другое* и возбуждает ее к рефлектированию в самое время, т.е. снимает ее внешнее проявление. Но на деле она сама есть эта рефлектированность в себя или эта снятость внешнего проявления⁶⁹; бытие “одним” исчезает в том виде, в каком оно явилось, а именно как *нечто другое*; она сама – это “одно”, она – сила, оттесненная обратно в себя.

То, что выступает в качестве иного и что возбуждает силу как к внешнему проявлению, так и к возвращению в себя самое, есть, как непосредственно ясно, *само сила*; ибо иное оказывается в такой же мере всеобщей средой, как и “одним”, таким образом, что каждая из этих *форм* выступает в то же время лишь как исчезающий момент. Стало быть, сила благодаря тому, что иное есть для нее, а она – для иного, вообще не вышла еще из своего понятия. Но вместе с тем налицо имеются две силы; понятие обеих, правда, одно и то же, но из своего единства оно перешло в двойственность. Вместо того чтобы всецело оставаться по существу только моментом, противоположность как будто ушла из-под власти единства вследствие раздвоения на совершенно *самостоятельные силы*. Присмотримся ближе к тому, что это за самостоятельность. Прежде всего вторая сила выступает как возбуждающее [начало], и притом, по своему содержанию, как всеобщая среда – по отношению к той силе, которая определена как возбуждаемая; но возбуждающая сила, будучи по существу сме-

ной обоих этих моментов и сама будучи силой, на деле равным образом есть всеобщая среда *лишь* тогда, когда *она к этому возбуждается*, и точно так же она есть только негативное единство, – или то, что возбуждает к уходу силы обратно, – благодаря *тому, что она возбуждается*. Таким образом, и то различие, которое имелось между обеими силами и которое состояло в том, что одна должна была быть *возбуждающим* [началом], а другая – *возбуждаемым*, – также превращается в тот же взаимный обмен определенностями.

Игра обеих сил состоит, таким образом, в том, что они определены противоположным образом и существуют в этом определении друг для друга, а также в том, что происходит абсолютный, непосредственный обмен определениями, – переход, благодаря которому только и существуют эти определения, в коих силы выступают как будто *самостоятельно*. То, что возбуждает, установлено, например, как всеобщая среда и, напротив того, возбуждаемое – как оттесненная обратно сила; но первое есть сама всеобщая среда лишь благодаря тому, что другое есть обратно оттесненная сила; или, вернее, последняя для первого есть возбуждающее, и лишь она его делает средой. Первое обладает своей определенностью только благодаря другому и есть возбуждающее лишь постольку, поскольку оно возбуждается другим к тому, чтобы быть возбуждающим; оно так же непосредственно и теряет эту данную ему определенность, ибо последняя переходит к другому или, лучше сказать, уже перешла к нему; чуждое, возбуждающее силу [начало] выступает как всеобщая среда, но только благодаря тому, что к этому возбудила его сила; а это значит, что она так *устанавливает* его и скорее *сама есть по существу* всеобщая среда; она так устанавливает возбуждающее [начало] потому, что это другое определение *для нее* существенно, т.е. потому что *она сама, вернее, есть это определение*.

Дабы еще более проникнуть в понятие этого движения, мы можем обратить внимание еще на то, что сами различия выступают в двойном различии: *во-первых*, как различия *содержания*, когда одна крайность есть рефлектированная в себя сила, а другая есть среда материй; *во-вторых*, как различия *формы*, когда одна крайность есть то, что возбуждает, а другая – то, что возбуждается, первое – активно, второе – пассивно. Со стороны различия содержания они различны вообще или для нас; со стороны же различия формы они самостоятельны, в своем соотношении отделяясь друг от друга и противопоставляясь друг другу. Для сознания, таким образом, в восприятии движения силы выясняется, что крайности, рассматриваемые с обеих этих сторон, не представляют собой чего-либо *в себе*, но эти стороны, в которых должна была устойчиво существовать их различенная сущность, суть только исчезающие моменты, непосредственный переход каждой стороны в противоположную. Но для нас, как указано выше, выяснилось еще и то, что различия как *различия содержания и формы* сами по себе исчезли, и по своему существу *деятельное, возбуждающее* или *для-себя-сущее* было со стороны формы тем же, что со стороны содержания проявлялось как от-

тесненная обратно в себя сила; пассивное, *возбуждаемое* или сущее для иного было со стороны формы тем же, что со стороны содержания проявлялось как всеобщая среда многих материй.

Из этого видно, что понятие силы благодаря удвоению в две силы становится *действительным*, и видно, как оно становится таковым. Эти две силы существуют как для себя сущие сущности; но их существование есть такое движение друг по отношению к другу, что их *бытие* есть скорее чистая *установленность* через *нечто иное*, т.е., что их бытие скорее имеет чистое значение *исчезания*. Они существуют не как крайние термины, которые удержали бы для себя что-нибудь прочное и только пересылали бы какое-нибудь внешнее свойство друг другу в средний термин и в точку их соприкосновения; то, что они суть, они суть только в этом среднем термине и в этом соприкосновении. Здесь непосредственно имеется как оттесненность обратно в себя, т.е. *для-себя-бытие* силы, так и внешнее проявление, как возбуждение, так и возбуждаемость; эти моменты, таким образом, не распределены между двумя самостоятельными крайними терминами, которые только враждебно противостояли бы друг другу, а их сущность попросту в том, что каждый момент есть только благодаря другому, и то, что есть таким образом каждая сила благодаря другому моменту, тем она непосредственно уже не является, так как она оказывается таковой благодаря другому моменту. На деле, следовательно, у этих сил нет собственных субстанций, которые были бы их носителями и сохраняли их. *Понятие* силы сохраняется, напротив, как *сущность* в самой ее *действительности*; сила как *действительная* сила состоит просто лишь во *внешнем проявлении*, которое в то же время есть не что иное, как снятие себя самого. Эта *действительная* сила, представляемая свободной от своего внешнего проявления и сущей для себя, есть сила, оттесненная обратно в себя; но эта определенность на деле, как оказалось, сама есть только момент *внешнего проявления*. Истина силы остается, следовательно, только *мыслью* о ней; и моменты ее действительности вместе с ее субстанциями и с ее движением, будучи лишены опоры, сваливаются в некоторое неразличимое единство, которое не есть оттесненная обратно в себя сила (ибо последняя сама есть только такой момент), а есть *ее понятие как понятие*. Реализация силы, следовательно, есть в то же время потеря реальности; она стала здесь, напротив, чем-то совершенно иным, а именно той *всеобщностью*, которую рассудок сперва или непосредственно признает ее сущностью и которая оказывается также ее сущностью в ее должествующей быть реальности, [т.е.] в действительных субстанциях.

[2. В н у т р е н н е е.] – Поскольку мы рассматриваем *первое* всеобщее как *понятие* рассудка, где сила еще не есть для себя, постольку теперь *второе* всеобщее есть ее *сущность*, как она проявляется *в себе* и *для себя*. Или, наоборот, если мы рассматриваем первое всеобщее как то *непосредственное*, которое должно было быть *действительным* предметом для сознания, то это второе всеобщее определено как нега-

тивное чувственно-предметной силы; оно есть сила как она есть в своей истинной сущности лишь в качестве *предмета рассудка*; первое всеобщее было бы оттесненной обратно в себя силой или силой в качестве субстанции; а это второе всеобщее есть “*внутреннее*” вещей как “*внутреннее*”, которое тождественно с понятием как понятием.

[(α) *Сверхчувственный мир. (αα). Внутреннее, явление, рассудок.*] – Эта подлинная сущность вещей определилась теперь таким образом, что она не есть непосредственно для сознания, а что это последнее имеет опосредствованное отношение к “*внутреннему*” и в качестве рассудка *проникает взором сквозь этот средний термин игры сил к истинной скрытой основе (Hintergrund) вещей*. Средний термин, смыкающий оба крайние, рассудок и “*внутреннее*”, есть развитое *бытие* силы, которое для самого рассудка теперь уже есть *исчезание*. Оно называется потому *явлением (Erscheinung)*, ибо видимостью (*Shein*) мы называем то *бытие*, которое непосредственно в себе самом есть *небытие*. Но оно – не только видимость, но и явление, некоторое *целое* видимости. Именно это *целое* как целое, или *всеобщее*, и составляет “*внутреннее*”, *игру сил как рефлексию* его в себя самого. В нем для сознания предметно установлены сущности восприятия так, как они суть в себе, т.е. как моменты, которые, не имея покоя и бытия, превращаются непосредственно в противоположное, – “одно” непосредственно превращается во всеобщее, существенное – непосредственно в несущественное и обратно. Эта игра сил есть поэтому развившееся негативное; но истина его есть положительное, т.е. *всеобщее, в-себе-сущий* предмет. – *Бытие* его для сознания опосредствовано движением *явления*, в котором *бытие восприятия* и чувственно-предметное вообще имеют только негативное значение, сознание, следовательно, отсюда рефлектируется в себя как в истинное, но в качестве сознания снова возводит это истинное в предметное “*внутреннее*” и различает эту рефлексию вещей от своей рефлексии в себя самого, так же, как и опосредствующее движение есть для него еще некоторое предметное движение. Посему это “*внутреннее*” есть для сознания некоторый крайний термин по отношению к нему; но оно для него потому истинное, что сознание в нем как в [бытии] в себе обладает вместе с тем достоверностью себя самого или моментом своего для-себя-бытия; но этого основания оно еще не сознает, ибо *для-себя-бытие*, которое само по себе должно содержать “*внутреннее*”, было бы не чем иным, как негативным движением; но это последнее для сознания остается еще *предметным* исчезающим явлением, оно еще не есть его *собственное* для-себя-бытие; “*внутреннее*” поэтому для него, конечно, понятие, но оно еще не знает природы понятия.

В этом *внутреннем истинном* как *абсолютно-всеобщем*, которое очищено от *противоположности* всеобщего и единичного и которое возникло для *рассудка*, только теперь раскрывается (*schliesst sich auf*) за пределами *чувственного мира* как *мира являющегося* мир *сверхчувственный* как мир *истинный*, за пределами исчезающего *посюсторонне-*

го – сохраняющееся *потустороннее*, – некоторое в-себе[-бытие], которое есть первое и поэтому само несовершенное явление разума или лишь чистая стихия, в которой истина имеет свою *сущность*.

Таким образом, *наш предмет* отныне – умозаключение (der Schluss), у которого крайние термины – “внутреннее” вещей и рассудок, а средний термин – явление; но движение этого умозаключения дает дальнейшее определение того, что рассудок усматривает сквозь средний термин во “внутреннем”, и опыт, который рассудок совершает об этом отношении сомкнутости (Zusammengeschlossenheit).

[(ββ) *Сверхчувственное как явление.*] – “Внутреннее” пока еще для сознания *чистое потустороннее*, потому что сознание еще не находит себя самого во “внутреннем”; последнее – *пусто*, потому что оно есть только “ничто” явления, а положительно оно есть простое всеобщее. Этот модус бытия “внутреннего” прямо согласуется с утверждением, что “внутреннее” вещей непознаваемо⁷⁰; но основание нужно было бы формулировать иначе. Об этом “внутреннем”, как оно здесь непосредственно есть, не имеется, конечно, никакого знания, но не потому, что разум будто бы слишком близорук или ограничен⁷¹, или как бы это ни называлось (об этом здесь еще ничего не известно, ибо столь глубоко мы еще не проникли), а в силу простой природы самой сути дела, т.е. потому, что в *пустоте* ничего не познается, или, подходя к этому с другой стороны, потому что “внутреннее” определено именно как *потустороннее* для сознания. – Результат, конечно, тот же, окажется ли слепой среди богатства сверхчувственного мира (если в нем имеется таковое, будет ли то специфическое содержание его или само сознание будет этим содержанием), или зрячий – в чистой тьме, или, если угодно, в чистом свете, если только сверхчувственный мир таков; зрячий увидит в его чистом свете столь же мало, как и в его чистой тьме, и не больше того, что увидел бы слепой в изобилии разложенного перед ним богатства. Если бы с “внутренним” и с тем, что связано с ним через посредство явления, дело обстояло только так, что оставалось бы только придерживаться явления, т.е. принимать за истинное нечто, о чем мы знаем, что оно неистинно; или: дабы все же в “пустом” (которое хотя и возникло лишь как пустота от предметных вещей, но в *качестве пустоты в себе* должна быть принята за пустоту всех духовных отношений⁷² и различий сознания как сознания) – словом, дабы в этой *столь полной пустоте*, которая называется также *святостью*, все же что-нибудь да было, оставалось бы только заполнить ее мечтаниями, *призраками* (Erscheinungen), которые сознание порождает себе самому; “внутреннее” вынуждено было бы примириться с тем, что с ним так дурно обходится, ибо оно ничего лучшего и не заслуживало бы, так как даже мечтания все же лучше его пустоты.

Но “внутреннее” или сверхчувственное потустороннее *возникло*, оно *происходит* из явления, и явление есть его опосредствование; другими словами, *явление есть его сущность* и на деле его осуществление. Сверхчувственное есть чувственное и воспринимаемое, установленное

так, как оно есть *поистине*; истина же чувственного и воспринимаемого состоит в том, что они суть *явление*. Сверхчувственное, следовательно, есть *явление* как *явление*. – Если при этом мыслится, будто сверхчувственное есть, *следовательно*, чувственный мир, или мир, как он дан (ist) *непосредственной чувственной достоверности и восприятию*, то это – превратное понимание; ибо явление, напротив, *не* есть мир чувственного знания и воспринимания как мир сущий, а мир, который установлен как мир *снятый* или поистине как *внутренний*. Обычно говорят, что сверхчувственное *не* есть явление; но при этом под явлением понимают не явление, а скорее *чувственный мир* как самое реальную действительность⁷³.

[(γγ) *Закон как истина явления.*] – Рассудок, составляющий наш предмет, находится именно в том положении, что “внутреннее” обнаружилось ему лишь как всеобщее, еще не наполненное *в-себе*[-бытие]; негативное значение игры сил состоит именно только в том, что она не есть в себе, а положительное – только в том, что она есть *опосредствующее*, но вне рассудка. Но его соотношение с “внутренним” через опосредствование есть его движение, благодаря которому “внутреннее” наполнится [содержанием] для него. – *Непосредственно* для него дана игра сил; но *истинное* для него есть простое “внутреннее”; движение силы поэтому точно так же лишь в качестве *простого* вообще есть истинное. Но, как мы видели, эта игра сил такова, что сила, *возбуждаемая* какой-нибудь другой силой, точно так же есть *возбуждающая* сила для этой другой, которая сама лишь благодаря этому становится возбуждающей. Здесь налицо точно так же лишь непосредственная смена, или абсолютный обмен *определенности*, составляющей единственное *содержание* того, что выступает: всеобщая среда или негативное единство. В самом своем определенном выступлении оно тотчас же перестает быть тем, в качестве чего оно выступает; своим определенным выступлением оно возбуждает другую сторону, которая благодаря этому *внешне проявляется*, т.е. эта другая сторона теперь непосредственно есть то, чем должна была быть первая. Обе эти стороны – *отношение* возбуждения и *отношение* определенного противоположного содержания – *каждое для себя* есть абсолютное превращение и смена (Verkehrung und Verwechslung). Но оба эти отношения сами опять-таки составляют одно и то же; и различные *формы* – быть возбуждаемым или возбуждающим – есть то же, что различие *содержания*; возбуждаемое как таковое есть именно пассивная среда; возбуждающее есть, напротив, деятельная среда, негативное единство или “одно”. Тем самым вообще исчезает всякое различие по отношению друг к другу *особенных сил*, которые должны были бы иметься в этом движении; ибо они покоились единственно на указанных различиях; и различие сил точно так же смыкается с обоими названными различиями лишь в одно различие. Следовательно, в этой абсолютной смене нет ни силы, ни возбуждения и возбуждаемости, ни определенности, состоящей в том, чтобы быть устойчивой средой и рефлексированным в себя единством, равным обра-

зом нет ничего отдельно для себя, ни разных противоположностей, а есть только *различие как всеобщее* различие или как такое, в которое сводились эти многие противоположности. Это *различие как всеобщее* различие есть поэтому *простое в игре самой силы* и истинное в игре; оно есть *закон силы*.

Простым различием абсолютно меняющееся явление становится благодаря своему отношению с простотой “внутреннего” или рассудка. “Внутреннее” есть прежде всего только в себе всеобщее; но это в себе простое *всеобщее* есть по существу столь же абсолютно *всеобщее различие*, ибо оно есть результат самой смены, или: смена есть его сущность; но смена, будучи установлена во “внутреннем”, такова, какова она есть поистине, тем самым она принимается в него как столь же абсолютно всеобщее, успокоившееся, остающееся равным себе различие. Иными словами, негация есть существенный момент всеобщего, и, следовательно, негация или опосредствование внутри всеобщего есть *всеобщее различие*. Это различие выражено в законе, как в *постоянном* образе изменчивого явления. Таким образом, *сверхчувственный мир* есть *покоящееся царство законов*, хотя и находящееся по ту сторону воспринимаемого мира (ибо в последнем закон проявляется только благодаря постоянному изменению), но в нем точно так же *наличествующее* и составляющее его непосредственное спокойное отображение.

[(β) Закон как различие и одноименность. – $(\alpha\alpha)$ Определенные законы и общий закон.] – Это царство законов хотя и есть истина рассудка, имеющая своим содержанием различие, которое есть в законе, но в то же время оно – лишь *первая истина* рассудка и не заполняет явления. Закон в нем налично, но он не составляет полного наличия явления; при всегда иных обстоятельствах он имеет всегда иную действительность. Поэтому явлению остается *для себя* одна сторона, которая не находится во “внутреннем”; другими словами, явление поистине еще не установлено как *явление*, как *снятое* для-себя-бытие. Этот недостаток закона должен точно так же сказаться в нем самом. А недостает ему, видимо, того, что в нем самом имеется, правда, различие, но как различие всеобщее, неопределенное. Поскольку же он есть не закон (*das Gesetz*) вообще, а некоторый закон (*ein Gesetz*), у него есть определенность; и, следовательно, имеется неопределенно *много* законов. Однако эта множественность скорее сама есть недостаток; а именно, она противоречит принципу рассудка, для которого как для сознания простого “внутреннего” всеобщее в себе *единство* есть то, что истинно. Поэтому он, напротив, должен свести эти многие законы к *одному* закону (*ein Gesetz*), как, например, закон, согласно которому падает камень, и закон, согласно которому движутся небесные тела, понимаются как *один закон*⁷⁴. Но с этим совмещением (*Ineinanderfallen*) законы утрачивают свою определенность; закон становится все более поверхностным, и на деле поэтому обнаруживается не единство *данных определенных* законов, а некоторый закон, упускающий их определенность; подобно тому, как один закон, который объединяет в себе законы падения тел на земле и небесного движения на деле не выражает их обоих.

Объединение всех законов [в закон] о *всеобщем притяжении* не выражает никакого содержания, кроме именно *голового понятия самого закона*, которое в нем установлено как *сущее*. Всеобщее притяжение говорит только о том, что *все* обладает *некоторым постоянным различием* по отношению к *другому* [различию]. Рассудок мнит при этом, будто он нашел всеобщий закон, выражающий всеобщую действительность *как таковую*; но на деле он нашел только *понятие самого закона*, однако так, что он в то же время этим говорит: *вся действительность в себе самой* закономерна. Выражение “*всеобщее притяжение*”⁷⁵ поэтому имеет постольку огромную важность, поскольку оно направлено против безмысленного процесса *представления*, которому все предстает в виде случайности и для которого определенность имеет форму чувственной самостоятельности.

Таким образом, определенным законам противостоит всеобщее притяжение или чистое понятие закона. Поскольку это чистое понятие рассматривается как сущность или как истинное “*внутреннее*”, *определенность* самого определенного закона принадлежит еще явлению или, вернее, чувственному бытию. Однако чистое *понятие* закона выходит не только за пределы закона, который, сам будучи *определенным* законом, противостоит *другим определенным* законам, но и *за пределы закона* как такового. Определенность, о которой шла речь, сама есть, собственно говоря, только исчезающий момент, который здесь уже не может выступать в качестве существенности, ибо налицо имеется только закон как истинное; но *понятие* закона обращено против самого *закона*. А именно: в законе само различие постигнуто *непосредственно* и принято во всеобщее, но тем самым [принято] и *устойчивое существование* моментов (соотношение которых выражает закон) как равнодушных и в-себе-сущих существенностей. Но эти части различия в законе сами суть в то же время определенные стороны; чистое понятие закона как всеобщее притяжение в своем истинном значении должно быть понято таким образом, что *различия*, имеющиеся в законе как таковом, в этом понятии как в *абсолютно простом* сами, в свою очередь, *возвращаются во “внутреннее”* как *простое единство*; последнее есть *внутренняя необходимость* закона.

[(ββ) *Закон и сила*.] – Вследствие этого закон наличествует двояким образом – один раз как закон, в котором различия выражены как самостоятельные моменты; другой раз – в форме *простого* возвращения в себя, каковая форма опять может быть названа *силой*, но не в том смысле, что она есть оттесненная обратно сила, а в том смысле, что она есть сила вообще или есть в качестве понятия силы, в качестве абстракции, которая сама втягивает в себя различия того, что притягивает и что притягивается. Так, например, *простое* электричество есть *сила*; но выражение различия относится к *закону*; это различие есть положительное и отрицательное электричество. При движении падения *сила* есть “простое”, *тяжесть*, закон который гласит, что величины различенных моментов движения, истекшего *времени* и пройденного *пространства* относятся друг к другу как корень и квадрат. Само электричество

не есть различие в себе, т.е. в его сущности не заключается двойная сущность положительного и отрицательного электричества⁷⁶; поэтому принято говорить, что *его* закон – *быть* таким именно образом, а также, конечно, что *его* свойство – внешне проявляться именно так. Правда, это свойство есть существенное и единственное свойство этой силы, иными словами, оно для нее *необходимо*. Но необходимость здесь – пустое слово; сила *должна* так удваиваться именно *потому, что должна*. Конечно, если установлено *положительное* электричество, то и *отрицательное в себе* необходимо; ибо “*положительное*” есть лишь как отношение к “*отрицательному*”, иначе говоря, “*положительное*” есть *в себе самом* различие от себя самого, точно так же и “*отрицательное*”. Но то обстоятельство, что электричество как таковое разделяется указанным образом, не составляет необходимости в себе; электричество как *простая сила* равнодушно к своему закону, гласящему: *быть* электричеством положительным и отрицательным; и если электричество как простую силу мы назовем его понятием, а указанный закон – его бытием, то его понятие равнодушно к его бытию; электричество только *имеет это* свойство; это именно и значит, что для него это не есть необходимость *в себе*. – Это равнодушие получает другой вид, когда говорится, что быть положительным и отрицательным относится к *дефиниции* электричества, или что в этом попросту состоит *его понятие и сущность*⁷⁷. В таком случае его бытие означало бы *его существование* вообще; но в этой дефиниции не содержится *необходимости его существования*; оно есть или потому, что его *находят*, – это значит, что оно вовсе не необходимо; или же оно есть благодаря другим силам, – это значит, что его необходимость *внешняя*. Но тем самым, что необходимость усматривается в определенности *бытия посредством другого*, мы опять приходим к *множественности* определенных законов, с которой мы только что расстались, чтобы рассмотреть закон как закон; только с этим последним следует сравнивать его *понятие* как понятие, или его необходимость, которая, однако, во всех этих формах оказалась всего лишь пустым словом.

Еще и другим образом выступает это равнодушие закона и силы, или понятия и бытия. В законе движения, например, необходимо, чтобы движение *разделялось* на время и пространство, или затем также на расстояние и скорость. Будучи только отношением названных моментов, движение, [т.е.] всеобщее, здесь, конечно, *раздельно в себе самом*; но эти части, время и пространство или расстояние и скорость не выражают собою это происхождение на “одного”; они равнодушны друг к другу; пространство представляется возможным (*sein zu können*) без времени, время – без пространства, а расстояние – по крайней мере без скорости, – точно так же и их величины равнодушны друг к другу, поскольку они не относятся как “*положительное*” и “*отрицательное*”, следовательно, соотносятся друг с другом не в силу *своей сущности*. Таким образом, необходимость *разделения* (*Teilung*) здесь, конечно, *налицо*, но не необходимость *долей* (*Teile*) как таковых друг для друга. А по-

тому и та первая необходимость сама есть лишь обманчиво-ложная необходимость; а именно, само движение представлено не как *простая* или чистая сущность, а уже разделенным; время и пространство суть его *самостоятельные* части или сущности *в самих себе*, или расстояние и скорость суть модусы бытия или процесса представления, из коих один, конечно, может быть без другого, и движение поэтому есть только их *поверхностное* соотношение, а не их сущность. Представленное в качестве простой сущности, или в качестве силы, движение есть, конечно, *тяжесть*, которая, однако, не содержит в себе этих различий вообще.

[(γγ) *Объяснение.*] – Итак, различие в обоих случаях не есть *различие в себе самом*; или: всеобщее, сила, равнодушно к *разделению*, которое имеется в законе, или различия, части закона, равнодушны друг к другу. Но рассудок *имеет* понятие *этого различия в себе*, именно в том, что закон, с одной стороны, есть “внутреннее”, *в-себе-сущее*, но в то же время он – *нечто различенное в нем*; то, что это различие, таким образом, есть *внутреннее* различие, видно из того, что закон есть *простая* сила, или есть в качестве *понятия его*, следовательно, *есть различие понятия*. Но это внутреннее различие пока лишь исходит от *рассудка* и еще не *установлено в самой сути дела*. Следовательно, рассудок провозглашает лишь *собственную* необходимость, – различие, которое он, следовательно, проводит, только выражая в то же время, что это различие не есть *различие самой сути дела*. Эта необходимость, заключающаяся только в слове, есть тем самым перечисление моментов, составляющих круг этой необходимости; они, правда, различаются, но в то же время их различие, не будучи различием самой сути дела, находит свое выражение и потому тотчас само опять снимается; это движение называется *объяснением*. Итак, провозглашается некоторый *закон*; от него различается его *в-себе-всеобщее* или основание как *сила*; но об этом различии говорится, что оно не есть различие, а, напротив, с основанием дело обстоит совершенно так же, как с законом. Единичное явление молнии, например, понимается как всеобщее, и это всеобщее провозглашается *законом* электричества: объяснение тогда концентрирует (*fast... zusammen*) *закон в силу* как сущность закона. Эта сила тогда *такова*, что, когда она внешне проявляется, выступают противоположные электричества, которые вновь исчезают друг в друге, – это значит, *что сила – такого же характера, что и закон*; утверждают, что оба вовсе не различаются. Различия составляют чистое всеобщее внешнее проявление или закон и чистую силу; но у обоих *одно и то же* содержание, *один и тот же* характер; различие как различие содержания, т.е. *суть дела*, следовательно, опять-таки отнимается.

В этом тавтологическом движении рассудок, как оказывается, упорно держится за покоящееся единство своего предмета, и движение относится только к нему самому, а не к предмету; оно есть объяснение, которое не только ничего не объясняет, но отличается такой ясностью, что, собираясь сказать что-нибудь отличное от уже сказанного, оно скорее ничего не высказывает, а лишь повторяет то же самое. В самой

же сути дела благодаря этому движению не возникает ничего нового, оно принимается в соображение только как движение рассудка. Но в этом движении мы познаем именно то, что недоставало закону, а именно самую абсолютную смену; ибо это *движение*, если к нему присмотреться ближе, прямо противоположно себе самому. А именно, оно устанавливает *некоторое различие*, которое не только для нас не является *различием*, но которое оно само снимает как различие. Это та же смена, которая проявлялась как игра сил; в ней было различие возбуждающего и возбуждаемого, силы, внешне проявляющейся и отнесенной обратно внутрь себя; но то были различия, которые в действительности не были никакими различиями, и потому также непосредственно опять снимали себя. Налицо не только простое единство – в том смысле, что нельзя было бы установить никакого различия, но это *движение* состоит в том, что *некоторое различие*, конечно, *проводится*, но так как это различие не есть различие, то оно *опять-таки снимается*. – Итак, вместе с объяснением перемена и смена, которые прежде были вне “внутреннего” и были только в явлении, проникли в само сверхчувственное; но наше сознание из “внутреннего” как предмета перешло на другую сторону – в *рассудок* и в нем находит смену.

[*(γ) Закон чистого различия, мир наизнанку.*] – Эта смена, таким образом, не есть еще смена самой сути дела; она проявляется скорее как *чистая смена* именно благодаря тому, что *содержание* моментов смены остается тем же. Но так как *понятие* как понятие рассудка есть то же, что “внутреннее” вещей, то *эта смена* становится для рассудка *законом “внутреннего”*. Закон самого явления, как *узнает*, следовательно, рассудок *на опыте*, состоит в том, что возникают различия, которые не есть различия; другими словами, что *одноименное отталкивается* от себя; и точно так же, что различия суть только такие различия, которые в действительности не есть различия и снимают себя; иначе говоря, что *неодноименное притягивается*. – Получается некоторый *второй закон*, содержание коего противоположно тому, что прежде было названо законом, т.е. постоянному остающемуся себе равным различию; ибо этот новый закон выражает, напротив, то, что *одинаковое становится неодинаковым, а неодинаковое – одинаковым*. Понятие ждет от безмыслия, что оно сведет вместе оба закона и осознает их противоположение. – Второй закон есть, конечно, также закон или внутреннее себе самому равное бытие, но равенство себе самому есть скорее равенство неравенства, постоянство непостоянства. – В игре сил этот закон обнаружился именно как этот абсолютный переход, или чистая смена; *одноименное*, сила, *разлагается* на противоположность, которая сперва кажется некоторым самостоятельным различием, но, как оказывается на деле, *не есть различие*; ибо отталкивается от самого себя именно *одноименное*, а то, что оттолкнулось, поэтому по существу притягивается, ибо оно есть *то же самое*; так как сделанное различие не есть различие, оно, следовательно, опять снимает себя. Тем самым оно проявляется как различие *самой сути дела* или как абсолютное различие, и это

различие *сути дела* есть, следовательно, не что иное, как то одноименное, которое оттолкнулось от себя, и поэтому устанавливает лишь противоположность, которая не есть противоположность.

Благодаря этому принципу первое сверхчувственное, покоящееся царство законов, непосредственное отображение воспринимаемого мира обращается в свою противоположность; закон был вообще тем, что *остается себе самому равным*, точно так же, как и его различия; но теперь установлено, что и то и другое скорее составляют противоположность самому себе; *равное* себе, напротив, отталкивается от себя, а себе *неравное*, напротив, устанавливается как равное себе. На деле только при этом определении различие есть *внутреннее* различие, или различие *в себе самом*, так как равное не равно себе, а неравное – равно себе. – *Этот второй сверхчувственный мир* есть таким образом мир *наизнанку*, а именно (поскольку одна сторона уже имеется в первом сверхчувственном мире) *перевернутый мир* этого *первого* мира. Тем самым “внутреннее” как явление завершено. Ибо первый сверхчувственный мир был лишь *непосредственным* возведением воспринимаемого мира во всеобщую стихию; он имел свой необходимый противополообраз в воспринимаемом мире, еще удерживавшем *для себя принцип смены и изменения*; первому царству законов недоставало этого принципа, но оно получает его в качестве мира *наизнанку*.

Согласно закону этого мира *наизнанку*, *одноименное* в первом мире есть, следовательно, *неравное* с собою самим, а *неравное* в нем точно так же *неравно с собою самим*, или становится *равным* с собою. На определенных моментах это сказывается в том, что то, что в законе первого мира сладко, то в этом “в себе *наизнанку*” (*verkehrten Ansich*) – кисло; что в первом черно, то во втором – бело. То, что в законе первого, в магните – северный полюс, то в его другом, сверхчувственном “в-себе” (т.е. в земле) – южный полюс; а то, что там – южный полюс, здесь – северный полюс. Точно так же то, что в первом законе электричества есть кислородный полюс – анод, то в его другой, сверхчувственной сущности становится водородным полюсом – катодом; и наоборот, то, что там – катод, здесь становится анодом. Если мы обратимся к другой сфере, то, согласно *непосредственному закону*, месть врагу есть высшее удовлетворение оскорбленной личности. Но *этот закон*, предписывающий, чтобы я выказывал себя как сущность по отношению к тому, кто обходится со мною не как с самодовлеющей сущностью, и, напротив, снял его как сущность, – этот закон превращается благодаря принципу другого мира в *противоположный закон*: восстановление меня как сущности путем снятия чужой сущности превращается в самоуничтожение. Если же это перевертывание, которое проявляется в *наказывании* преступления, возводится в *закон*, то и оно в свою очередь есть только закон одного мира, которому *противостоит* сверхчувственный мир *наизнанку*, где в почете то, что в первом презируется, а к тому, что в нем в почете, относятся с презрением. Наказание, которое, по *закону первого* мира, позорит и уничтожает человека, превращается

в соответствующем ему *перевернутом мире* в помилование, сохраняющее человеку жизнь и доставляющее ему почет.

При поверхностном взгляде этот мир наизнанку составляет контраст первому в том смысле, что этот первый мир находится вне его и отталкивается им как некоторая *действительность* наизнанку, что *один мир есть явление*, а *другой* – в-себе[-бытие], *один* есть мир как он есть *для чего-то иного, другой*, напротив, как он есть *для себя*. Так что, пользуясь прежними примерами, то, что на вкус сладко, *собственно или внутренне*, в вещи *кисло*, или то, что в действительном магните явления есть северный полюс, *во внутреннем или существенном бытии* было бы южным полюсом; то, что в являющемся электричестве проявляется как анод, в электричестве не-являющемся было бы катодом. Или: поступок, который в *явлении* есть преступление, должен бы быть во “*внутреннем*”, собственно говоря, хорошим поступком (дурной поступок с хорошим намерением); наказание было бы наказанием только *в явлении*, но *в себе* или в каком-нибудь другом мире оно было бы благодеянием для преступника. Однако таких противоположностей внутреннего и внешнего, явления и сверхчувственного как двойного рода действительности здесь уже не имеется. Отталкиваемые различия не распределяются снова между двумя такими субстанциями, которые были бы их носителями и сообщали бы каждому из них отдельно устойчивое существование, благодаря чему рассудок, выйдя из “внутреннего”, оказался бы снова на прежнем месте. Одна сторона или субстанция опять была бы миром восприятия, в котором один из двух законов проявлял бы свою сущность, и против этого мира стоял бы мир внутренний, *совершенно такой же чувственный мир*, как и первый, но в *представлении*; на него нельзя было бы указать, как на чувственный мир, его нельзя было бы видеть, слышать, попробовать на вкус, и тем не менее он представлялся бы как такой чувственный мир. Но на деле, если *одно установленное* есть нечто воспринимаемое, и его *в-себе[-бытие]*, в качестве его изнанки, есть точно так же нечто *чувственно представляемое*, то кислое есть то, чем было бы *в-себе[-бытие]* сладкой вещи, некоторая столь же действительная вещь, как и эта последняя, т.е. некоторая *кислая вещь*; черное, которое было бы *в-себе[-бытие]* белого, есть действительное черное; северный полюс, который есть *в-себе[-бытие]* южного полюса, есть северный полюс, *находящийся в том же магните*; анод, который есть *в-себе[-бытие]* катода, есть *имеющийся налицо* анод того же столба. Но *действительное преступление* имеет свою *изнанку* и *свое в-себе[-бытие]* как *возможность* в намерении как таковом, а не в добром намерении; ибо истина намерения есть только сам поступок. По содержанию же своему преступление имеет свою рефлексия в себя или свою изнанку – в *действительном* наказании; последнее есть примирение закона с действительностью, противоположной ему в преступлении. Наконец, *действительное* наказание имеет свою действительность *наизнанку* в самом себе в том смысле, что оно есть такое превращение закона в действительность, благодаря которому деятельность,

осуществляемая законом в виде наказания, *снимает себя самое*, закон из деятельного опять становится *покоящимся* и сохраняющим значение закона, и движение индивидуальности против него, как и его движение против индивидуальности, прекращено.

[3. Б е с к о н е ч н о с т ь.] – Итак, из представления о перевертывании, составляющем сущность одной стороны сверхчувственного мира, надо удалить чувственное представление об укреплении различий в некоей разнообразной стихии устойчивого существования и только воспроизвести и постичь это абсолютное понятие различия как внутреннего различия, [т.е.] отталкивания одноименного как одноименного от себя самого, и одинаковость неодинакового как неодинакового. Надо *мыслить* чистую смену, или *противоположение внутри себя самого*, [т.е.] *противоречие*. Ибо в различии, которое есть некоторое внутреннее различие, противоположное не есть только *одно из двух*; иначе оно было бы чем-то *сущим*, а не *противоположным*; – оно есть противоположное некоторому противоположному, или: “иное” само непосредственно имеется в нем. Конечно, *сюда* я помещаю “противоположное”, а туда – “иное”, по отношению к которому то составляет противоположность; следовательно, помещаю *противоположное* на одну сторону, в себе и для себя без “иного”. Но именно поэтому, так как здесь я имею *противоположное в себе и для себя*, оно – противоположное самому себе, т.е. оно на деле непосредственно имеет в самом себе “иное”. – Таким образом сверхчувственный мир, который есть мир наизнанку, в то же время взял верх над другим миром, и последний имеет его в самом себе; он для себя есть мир наизнанку, т.е. обратный себе самому; он есть сам этот мир и ему противоположный мир в одном единстве. Только таким образом сверхчувственный мир есть различие как различие *внутреннее*, или различие *в себе самом*, или есть в качестве *бесконечности*.

Итак, мы видим, что благодаря бесконечности закон достиг необходимости в самом себе и принял все моменты явления во “внутреннее”. “Простое” в законе есть бесконечность – это, как оказалось, означает: α) оно есть некоторое *себе самому равное*, которое, однако, есть *различие* в себе; или оно есть одноименное, которое отталкивается от самого себя или раздваивается. То, что называлось *простой* силой, *удваивает* само себя и благодаря своей бесконечности есть закон. β) Развоенное, которое составляет представленные в законе части, проявляется как то, что имеет устойчивое существование; и если эти части рассматривать, не обращаясь к понятию внутреннего различия, то пространство и время, или расстояние и скорость, выступающие как моменты тяжести, столь же равнодушны друг к другу и не необходимы друг для друга, как и для самой тяжести, как равным образом равнодушна и эта простая тяжесть по отношению к ним, или простое электричество – по отношению к положительному и отрицательному. γ) Но благодаря понятию внутреннего различия это неодинаковое и равнодушное, пространство и время и т.д. есть *различие*, которое не есть *различие*, или только различие *одноименного*, и его сущность есть единство; они одушевлены друг по отноше-

нию к другу как положительное и отрицательное и их бытие, напротив, состоит в том, что они полагают себя как небытие и снимают себя в единстве. Оба различенных имеют устойчивое существование, они суть *в себе*, они суть *в себе как противоположное*, т.е. противоположное самим себе, они имеют свое “иное” в себе и суть лишь одно единство.

Эту простую бесконечность или абсолютное понятие можно назвать простой сущностью жизни, душой мира, общей кровью, которая, будучи вездесуща, не замутняется и не прерывается никаким различием, напротив, сама составляет все различия, как и их снятость, следовательно, пульсирует внутри себя, не двигаясь, трепещет внутри себя, оставаясь спокойным. Она *равна себе самой*, ибо различия тавтологичны; это различия, которые не есть различия. Эта себе самой равная сущность соотносится поэтому только с самой собою. *С самой собою*: таким образом эта сущность есть “иное”, с чем устанавливается соотношение, а это *соотнесение с самим собою* есть скорее *раздваивание*, или: именно упомянутое равенство себе самому есть внутреннее различие. Эти *раздвоенные* [стороны] суть, следовательно, *в себе самих* и *для себя самих*, каждая есть противное некоторому “иному”, так что уже тут “иное” провозглашено одновременно с противным. Или оно не есть противное некоторому “иному”, а есть только *чистое противное*; таким образом, оно, следовательно, в самом себе есть противное себе. Или оно вообще не есть противное, а есть только для себя, есть чистая себе самой равная сущность, которая не имеет в себе никакого различия, – и поэтому нам нет надобности задаваться вопросом, а тем более принимать за философию мучительные поиски ответа на него, или даже считать, что философия не может ответить: *как из* этой чистой сущности появляется различие или инобытие⁷⁸, ибо раздвоение уже совершилось, различие исключено из равного себе самому и поставлено рядом с ним; то, чем должно было бы быть *равное себе самому*, есть уже, следовательно, скорее одна из раздвоенных [сторон], чем абсолютная сущность. *Равное себе самому раздваивается*, – это значит поэтому точно так же, что оно снимает себя как уже раздвоенное, оно снимает себя как инобытие. *Единство*, о котором принято говорить, что различие не могло бы из него появиться, на деле само есть лишь один момент раздвоения; оно есть абстракция простоты, которая противостоит различию. Но так как оно есть абстракция, только одна из противоположных [сторон], то, как уже сказано, оно есть раздваивание, ибо если единство есть некоторое *негативное*, некоторое *противоположное*, то оно установлено именно как то, что имеет в себе противоположение. Различия *раздвоения* и *становления себе самому равным* составляют поэтому точно так же лишь *это движение снятия себя*; ведь так как равное себе самому, которое только должно раздваиваться или стать противным себе, есть абстракция или *само* уже есть некоторое раздвоенное, то его раздваивание тем самым есть снятие того, что есть оно, и, следовательно, снятие его раздвоенности. *Становление равным себе самому* точно так же есть некоторое раздваивание; то, что становится *равным*

самому себе, тем самым противостоит раздвоению; это значит, оно само ставит себя на одной стороне, или, вернее, оно *становится* некоторым *раздвоенным*.

[К р а т к и й о б з о р и з а к л ю ч е н и е.] – Бесконечность, или этот абсолютный непокой чистого самодвижения, заключающегося в том, что то, что определено каким-либо образом, например, как бытие, есть скорее то, что противоположно этой определенности, – хотя и была уже душой всего предыдущего, но свободно она сама выступила только во “*внутреннем*”. Явление или игра сил уже проявляют ее самою, но впервые свободно она выступает как *объяснение*; и так как, наконец, бесконечность *в том виде, как она есть*, есть предмет для *сознания*, то сознание есть *самосознание*. *Объяснение*, исходящее от рассудка, прежде всего дает только описание того, что такое самосознание. Рассудок снимает имеющиеся в законе различия, уже полностью обнаружившиеся, но еще равнодушные [друг к другу], и устанавливает их в одном единстве – в силе. Но это становление равным есть столь же непосредственно некоторое раздваивание, ибо рассудок снимает различия и устанавливает “одно” силы (*das Eins der Kraft*) только благодаря тому, что он проводит некоторое новое различие между законом и силой, которое, однако, вместе с тем не есть различие; и к тому, что это различие точно так же не есть различие, он сам приходит, вновь снимая это различие и допуская, что сила – того же характера, что и закон. – Но это движение или эта необходимость в таком виде есть еще необходимость и движение рассудка, или оно *как таковое не есть предмет рассудка*, а предметы для него в этом движении суть положительное и отрицательное электричество, расстояние, скорость, сила притяжения и тысяча других вещей, составляющих содержание моментов движения. В объяснении именно потому так много самоудовлетворения, что сознание при этом, если можно так выразиться, в непосредственном разговоре с самим собой, наслаждается только собою, и хотя при этом кажется, будто оно занято чем-то другим, но на деле оно занимается только самим собою.

Хотя в противоположном законе как изнанке первого закона, или во внутреннем различии бесконечность сама становится *предметом* рассудка, но последний опять не достигает ее как таковой, поскольку он опять разделяет различие в себе – самоотталкивание одноименного и взаимное притягивание неодинакового – на два мира, или на две субстанциальные стихии; *движение*, в том виде, как оно дано в опыте, есть здесь для рассудка случайное событие, а одноименное и неодинаковое – *предикаты*, сущность которых есть некоторый обладающий бытием субстрат. То, что для рассудка есть предмет в чувственной оболочке, есть для нас в его существенной форме, как чистое понятие. Это постижение различия, как оно есть *поистине*, или постижение *бесконечности* как таковой есть *для нас* или *в себе*. Разъяснение ее понятия – это дело науки; но сознание в том виде, в каком оно *непосредственно* обладает понятием, снова выступает как собственная форма или новое фор-

мообразование сознания, не узнающее в предшествующем своей сущности, а принимающее ее за нечто совершенно другое. – Так как для сознания это понятие бесконечности есть предмет, то, следовательно, оно есть сознание различия как некоторого различия, *непосредственно* столь же снятого; оно есть *для себя самого*, оно есть *различение неразличенного*, или *самосознание*. Я различаю себя от себя самого, и в этом непосредственно для меня дано то, что это различенное не различено. Я, одноименное, отталкиваю себя от себя самого; но это различенное, установленное как неодинаковое, будучи различено, непосредственно не есть различие для меня. Сознание некоторого “иного” предмета вообще само, правда, необходимо есть *самосознание*, рефлексированность в себя, сознание себя самого в своем инобытии. *Необходимое продвижение* от прежних формообразований сознания, для которых их истинное было некоторой вещью, некоторым “иным”, нежели они сами, выражает именно то, что не только сознание о вещи возможно лишь для самосознания, но что только это последнее есть истина этих форм. Но эта истина имеется только для нас, а еще не для сознания. Самосознание возникло сначала *для себя*, а еще не *как единство* с сознанием вообще.

Мы видим, что во “внутреннем” явления рассудок поистине узнает на опыте не что иное, как само явление, но не так, как оно есть в виде игры сил, а узнает эту игру в ее абсолютно-всеобщих моментах и в их движении и, таким образом, узнает на деле только *себя самого*. Поднявшись за пределы восприятия, сознание выступает сомкнутым со сверхчувственным через посредство явления как среднего термина, сквозь который оно устремляет взор в этот задний план. Оба крайних термина, один – чистого “внутреннего”, другой – “внутреннего”, проникающего взором в это чистое “внутреннее”, теперь совпали, и подобно тому, как они исчезли в качестве крайних терминов, исчез и средний термин в качестве чего-то иного, нежели они. Итак, эта завеса скрывавшая “внутреннее”, сдернута, и налицо лицезрение “внутреннего” во “внутреннем” – лицезрение *неразличенного* одноименного, которое отталкивает себя само и устанавливает себя в качестве *различенного* “внутреннего”, но для которого столь же непосредственно есть *неразличенность* обоих, – [налицо] *самосознание*. Выясняется, что за так называемой завесой, которая должна скрывать “внутреннее”, нечего видеть, если *мы* сами не зайдём за нее, как для того, чтобы тем самым было видно, так и для того, чтобы там было что-нибудь, на что можно было бы смотреть. Но вместе с тем оказывается, что так просто, без всяких затруднений, за нее нельзя зайти; ибо знание того, в чем истина *представления* явления и его “внутреннего”, само только результат хлопотливого движения, благодаря которому исчезают способы сознания: мнение, восприятие и рассудок; и точно так же окажется, что познавание того, *что знает сознание, зная себя само*, нуждается в определении еще дальнейших обстоятельств, разъяснение которых будет дано дальше.